

Станислав Прокофьев

Ледяной плен

18+

Станислав Прокофьев

Ледяной плен

«Автор»

2024

Прокофьев С. В.

Ледяной плен / С. В. Прокофьев — «Автор», 2024

Елена Сибирякова — мать двоих замечательных детей. Оставшись без мужа, она вынуждена воспитывать детей одна. Роковая встреча с Михаилом, бывшим заключенным переворачивают жизнь женщины. Все усложняется тем, что взаимоотношения детей Елены и Михаила складываются не лучшим образом. Но кто воплощает настоящее зло - бывший заключенный, или овдовевшая мать?

© Прокофьев С. В., 2024

© Автор, 2024

Станислав Прокофьев

Ледяной плен

Глава первая

Елена Сибирякова – молодая мать двух прекрасных детей, овдовевшая три года назад. Красивая женщина с волосами песчаного цвета, среднего роста и худощавого телосложения, с голубыми глазами и красивыми от природы бровями. Забеременела Елена после тридцати. Теперь же ее старшему сыну Петрушке было девять, а младшей – Машке – пять годков от роду. Работала Елена в детском саду няней.

Петруха ходил в третий класс местной сельской школы единственной во всей округе. Всегда опрятный и самостоятельный мальчик, не по годам рассудительный и смелый. В школе его знали как хорошего и послушного мальчугана, но, несмотря на это, он прекрасно умел постоять за себя. Петя помнил своего отца – офицера, ветерана боевых действий. Помнил и его уроки самообороны, так что попробуй задира́ть Петьку – тумак не сочтёшь. Дома он всегда помогал маме по хозяйству: носил воду из колонки, колот дрова как умел. А бывало и такое, что помогал по хозяйству соседской старушке. В благодарность она давала ему немного денег, которые он клал в литровую банку – копил на новый велосипед к лету.

Машенька же была миниатюрной копией своей матери – миленькой наружности с капризной «начинкой». Она ходила в детский сад, который граничил со школой. Когда у Пети заканчивались занятия в школе, он бежал за сестрой, а потом они вместе шли домой, держать за руки.

– Ну, сестрица, никто тебя не обидел сегодня? – серьёзно интересовался Пётр.

– Нет, Петенька, – с улыбкой отвечала Маша.

Машка и Петя возвращались домой через большую реку, которая зимой покрывалась толстым слоем льда оттого, что жили они в северном районе России. Бывало, после школы и детского сада дети катались на санях у реки до темноты, но, опомнившись, бежали домой, чтоб не расстраивать мать.

Елена с двумя детишками жила в новом доме, который муж построил ещё до того, как его привезли в цинковом гробу из очередной командировки с Северного Кавказа. Ей тяжело жилось без супруга, но детей растить надо.

В конце января, глядя из окошка дома Сибиряковых, можно было наблюдать заметённые снегом дома с тянущимися вверх струйками дыма из домовых печи, которые иногда сопровождались снопом искр.

В тот день, когда в детском саду посыпалась сантехника, стояла необычно тёплая погода.

Единственный сантехник, на которого была вся надежда, каждый божий день заливал за галстук. Вот и этот день не стал исключением. Но по воле случая в это время у Тимофеича – так звали забулдыгу-сантехника – гостил двоюродный брат Михаил.

Михаил Лаврин – крепкий и рослый мужчина с русыми волосами и глубоко посаженными глазами, с синими от щетины щеками, с большими и по-мужски красиво сложенными кистями рук. В прошлом – арестант, а ныне – человек, искавший заработка.

В детский сад Михаил, заменивший брата-пропойцу, явился быстро. Смонтировал новые трубы и смеситель, что были в запасе у заведующей детским садом. По завершении дел, получив оплату за труды, он вышел на улицу, и направился было уже к выходу, как вдруг у двери встретил глазами Елену. Новоиспечённый сантехник, испытывавший радость от небольшого, но очень нужного денежного вознаграждения, и Елена, только что закончившая смену. Их глаза на минуту встретились. Мужчине Лена понравилась сразу. Он улыбнулся непроизвольно, инстинктивно, как улыбнулся бы любимой девушке на свидании. Елена выглядела оробевшей

и невинной, налитая краской смущения, слегла прищуренная от луча фонаря, светившего ей прямо в глаза.

– Здравствуйте, а вы, наверное, наш новый сантехник? – удивляясь своей смелости, завязала разговор Елена.

– Нет... То есть да... Отчасти.., – растерянно вымолвил Лаврин, – простите... Здравствуйте, я – Миша, двоюродный брат Тимофеича.

– А меня Еленой зовут, – переминая сумку в руках, представилась она, – работаю тут уже восемь лет.

– Восемь лет – солидный стаж.

– Да, у меня двое детей, вот я сюда и попала, чтобы рядом с ними быть.

– Восемь лет... – подумал про себя бывший заключённый, – а что есть у меня? Восемь лет срока...

В этот момент он вдруг почувствовал, как сильно изменилась его жизнь после освобождения. Как чуждо и неловко ему было теперь находиться в компании красивой женщины. Он не мог подобрать толком ни слов, ни красивого приветствия, да и вообще не знал, что ей сказать.

Но несмотря на это, было в нём какое-то обаяние, что притягивало с первого взгляда.

Не находя больше слов, Елена и Михаил направились к калитке. Скрипнув дверью, Михаил вышел вслед за Еленой, пропустив её вперед.

– Если хотите, Елена, я провожу вас до дома. Темно уж на улице, а вдвоём спокойнее будет.

– Я всегда хожу домой в потёмках, привыкла. Но если хотите, то, конечно, отправимся вместе. Вы живете у Тимофеича?

– Да, пока у него.

– Значит, нам в одну сторону. Нас всего-то четыре дома разделяет. – весело добавила Лена.

Погода по-прежнему радовала. Даже по радио отметили, что давненько не было таких аномалий в этих краях. Хлопья снега, вальсируя, тихо падали с необъятного неба, в воздухе чувствовался запах горелых дров – кто-то топил баню. На маленьком озере в свете фонарей детишки играли в хоккей. Вблизи озера, на холме, ребята чуть младше катались кто на санях, кто на ледянках, кто на полиэтиленовых пакетах.

Для Елены жизнь без мужа превратилась в рутину: она перестала радоваться жизни, не замечала, как та пробегает мимо. Всё ушло вместе с ним. Ушло, казалось, безвозвратно. Смерть мужа спустила её с небес на землю, разбив розовые очки и заставив жить в суровой реальности. Теперь она жила только для и ради детей – Пети и Маши.

Михаил же, находясь на свободе вторую неделю, каждый день открывал для себя что-то новое. Восемь лет в колонии строгого режима, проведённые там за разбойное нападение на ювелирную лавку, научили его многому. Жизнь преподала ему ценный урок и научила терпению. В колонии Михаил получил профессию слесаря-сантехника и доучился два класса школы, которую бросил ещё до лишения свободы.

– Ну вот мы и пришли. Спасибо за компанию, Михаил.

– А вам спасибо за возможность составить её, – ответил Лаврин.

– Тебе, – поправила Лена, – давай на «ты».

– Договорились! – улыбнулся Михаил.

– До свидания.

– До свидания!

После ухода Михаила, Елена поймала себя на мысли, что у неё сложилось приятное впечатление о Михаиле. И неудивительно, ведь он предстал перед ней истинным джентльменом и, проводив её до дома без единого слова, всё же чем-то её зацепил. В его глазах она увидела

нечто, отдалённо напоминавшее ей мужа. И хотя она видела его впервые в жизни, отчего-то ей захотелось непременно встретить этого мужчину еще раз.

Шли дни. Январь передал эстафету февралю. Петька, как обычно, ходил в школу, после занятий забирал сестру, а поужинав, они вместе ходили на каток: на Новый год оба получили от мамы по паре новых коньков. В свои девять Петруха хорошо ездил на коньках и играл с дворовыми ребятами в хоккей. У Маши же никак не получалось проехаться без падений, чему она очень расстраивалась и каждый раз, упав на лёд, начинала плакать. Петька тут же подбегал к ней:

– Ты не ушиблась? – спрашивал он, поднимая сестру.

– Нет... – чуть не плача отвечала Маша, отряхивая свои синие варежки от снега, – я никогда не научусь ездить, Петя!

– Что за вздор? Ты – Сибирякова, а Сибиряковы всё могут! Я научу тебя ездить, слышала меня?

– Слышала, – шмыгая носом, отвечала сестра.

В одно из катаний, в очередной раз, подняв сестру на ноги, он велел ей ждать, а сам отправился к ребятам, с которыми играл в хоккей. Петя, что-то сказав им, вернулся к Маше, взял её за руку и принялся давать ей уроки мастерства по катанию на коньках. Так и прокатались они весь оставшийся вечер вместе. Машка не упала ни разу.

Каждодневные уроки по катанию на коньках пошли на пользу Петиной сестре. Мальчишки, которые лишились своего лучшего хоккейного игрока, начали дразнить Петю, но стоило ему лишь глянуть на них со злостью, как ребята тотчас прекратили и продолжили играть дальше.

Петя любил свою семью. Он видел и понимал, что мама много работает, у неё едва хватает сил после работы на домашние дела. И он потому частенько взваливал домашние хлопоты на свои плечи и считал себя вдвойне обязанным участвовать в воспитании сестры, невзирая на то, что и сам был ещё ребёнком.

Однажды, катаясь с братом на катке, Машка всё же смогла отпустить руку старшего брата и проехать одна. Она изумленно смотрела по сторонам, распятив свои маленькие ручонки, и неуверенно двигалась по льду, как будто шла в тёмной комнате на ощупь. Но сколько счастья было в её глазах! Петя стоял поблизости и молча радовался успехам сестрёнки. Немного закрепив свои навыки в тот день, брат и сестра радостные отправились домой.

По дороге маленькая Маша сияла от счастья, с её губ не сходила улыбка.

– Я же говорил, что научу. И научил! – радовался Петя.

– Говорил! – согласилась Мария.

– Того и глядишь, еще фигуристкой станешь, будешь ездить по разным городам и странам, – стал мечтать старший брат Машеньки.

Подходя к дому, они заметили, что во всех комнатах горел свет. Значить это могло то, что мама принимала гостей.

Машка с Петей забежали через калитку во двор. Маша, не снимая синих варежек, взяла щетку на пороге и стала быстро чистить с себя снег. Она торопилась поделиться с мамой своей большой радостью. Петруха же, не торопясь, даже с некой вальяжностью, стряхнув с себя снег и очистив свою ушанку ото льда, забрал коньки, и оба зашли в дом.

– Да, мама, честно, я сама ехала сегодня, без Пети, – уже хвасталась Машка, снимая с себя верхнюю одежду.

– Какая ты у меня умничка! Золотые вы мои, любимые, – не сдерживая эмоций, обнимала обоих детей Елена. Немного успокоившись, она спокойно произнесла:

– Дети, у нас сегодня гость. Мойте руки и проходите за стол, будем ужинать вчетвером.

Послушно умывшись, дети увидели празднично накрытый стол: кушанья были расставлены аккуратно и красиво, словно ожидался приход ещё одного Нового года за последние два месяца.

– Петр, Мария, знакомьтесь, это Михаил. Сегодня у нас сломался телевизор, а Михаил починил его. И ещё Михаил починил твою куклу с белыми кудрями, Маша, и теперь она снова разговаривает.

– Здравствуйте! – дружно поздоровались дети, переглянувшись между собой.

Лаврин протянул руку Пете. Тот, с недоверием и робостью поглядев на мать, протянул в ответ свою. Сухая и жилистая рука Михаила обхватила маленькую пятерню Петьки и покачала вверх два раза. Не было ни словесных подтверждений знакомству, ни взаимной улыбки – ничего, кроме немного рукопожатия.

На самом деле Лаврин не любил детей и не умел с ними обращаться. Да и в ближайших планах не значилось пункта обзавестись наследниками.

– Куклу Машкину я бы и сам починил, – проворчал Петька, накладывая салат в тарелку. Ему было странно и одновременно неприятно видеть в доме постороннего мужчину и сидеть с ним за одним столом.

Елена в красивом наряде крутилась весь вечер возле гостя, иногда обращая внимание на Петьку и Машку. Петю это раздражало, а Машка ещё ничего не понимала. Опустевший графин с водкой наполнился повторно. Налитые кровью щеки Елены и слегка изменившаяся интонация голоса выдавали её состояние, которое прежде дети никогда не видели. Наконец, поужинав и вдоволь напившись чаю, дети удалились в комнату.

Петя долго не мог уснуть: всё думал о новоиспечённом друге мамы. Он всё понимал, и у него никак не получалось даже представить его в роли друга матери. А мысль о том, что Михаил и вовсе может стать его отчимом, он отгонял прочь. Так всю ночь мальчишка и проворочался.

Той ночью Елена и Михаил долго сидели за столом. Женщина никогда и никому ещё не жаловалась на свою сложную судьбу, но опьянение сняло все запреты, и, рыдая, Елена поведала о тяжёлой одинокой жизни, о том, как сложно вести хозяйство одной, и о том, как не хватает мужчины в доме. Ей просто нужно было выговориться, а почувствовав в Михаиле родную душу, выдала как есть всё, что творилось у неё в сердце.

– Тимофеич, ты с семьёй Сибиряковых давно знаешься? – спросил Лаврин двоюродного брата, снимая валенки и входя в комнату.

– Сколь здесь живу – столько их и помню, – еле вымолвил Тимофеич, страдающий похмельем.

– Странная она какая-то, эта Елена. Сегодня попросила помочь ей с ремонтом телевизора. Я ответил, мол, ничего в этом не понимаю, но она настояла, чтобы я пришёл. Ничего, говорит, сложного там нет. И знаешь, Тимофеич, стоило мне войти в дом, я сразу смекнул – дело пахнет дурным. У телевизора-то специально вилка отрезана. Это она нарочно сделала, хотя и отрицала, но я-то вижу – нарочно. На ноже даже остатки изоляции остались. Говорю тебе, Тимофеич, странная она баба.

– Будешь тут странной. Ничем дурным дело не пахло, если ты, идиот, понять не можешь. Она без мужика на стену лезет, то я тебе втолковываю. Уж три года скоро, как она без мужа живёт. Авось с ума-то и сходит по чуть-чуть. А в тебе она, видно, порядочного мужика разглядела. И чему вас, дураков, учили раньше – не пойму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.